

Т.С. Орлова, В.Н. Подшивалов*

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье поднимается проблема социальной ответственности бизнеса в экономико-правовом аспекте и реальных основ ее развития. Сущность социальной ответственности раскрывается с позиций обязанностей (обязательств) и необходимости их соблюдения.

Ключевые слова и фразы: *социальная ответственность, моральный долг, личность бизнес.*

Проблема социальной ответственности имеет многоаспектный характер. Одним из важнейших ее аспектов является экономико-правовой, который, собственно говоря, наиболее ярко свидетельствует о социально-философской подоплеке любых форм социальной ответственности. Когда-то лидер Фрейбургской школы экономики В. Ойкен утверждал, что «тот, кто имеет доходы, должен нести убытки» и что «уже в старом праве этот принцип был решающим для регулирования ответственности» [1. С. 365]. И далее он писал, что со временем «объем ответственности существенно уменьшился (в этом плане он сам же себе и противоречит, когда заявляет о том, что с развитием частного предпринимательства социальная ответственность будто бы возросла. – *Авт.*). Отныне существование ограниченной и неограниченной ответственности вынуждает ставить следующие вопросы. В чем, собственно, смысл ответственности? Когда следует предоставлять неограниченную ответственность, а когда нужно устанавливать ограниченную ответственность» [1. С. 365].

Однако в трактовке В. Ойкена речь идет исключительно об имущественной ответственности должника. Можно ли такую ответственность считать *неограниченной* или полной, если должник отвечает лишь своим имуществом (пускай даже и всем имуществом)? И может ли ответственность наступать только для должника или она присуща всем участникам социальных взаимоотношений?

---

* © Орлова Т.С., Подшивалов В.Н., 2008

Орлова Татьяна Степановна, Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8-е марта, 62.

Подшивалов Вячеслав Николаевич, Федеральный межвузовский центр социально-экономического образования при Уральском государственном университете им. А.М. Горького.

Уточнение ответов на данные вопросы позволяет нам сформулировать следующие предварительные замечания для дальнейшего исследования феномена социальной ответственности:

Во-первых, вряд ли правомерным с социально-философской точки зрения является отождествление неограниченной (полной) ответственности с исключительно имущественной ответственностью. Неограниченная или полная ответственность предусматривает и должна предусматривать в сфере права, что субъект хозяйственной деятельности помимо имущества (собственности) несет ответственность и своей репутацией (честью, достоинством, имиджем и т.д.), а также и собственной свободой и даже жизнью. Разве не так происходит в ситуации, когда суд лишает виновного свободы, а в некоторых случаях и жизни?

Во-вторых, недопустимо отождествление социально-философской и экономико-правовой интерпретации категории социальной ответственности, поскольку данные интерпретации соотносятся как *частная* и *общая* трактовка данного феномена. Например, всю совокупность социальной ответственности в сфере экономических отношений В. Ойкен определил достаточно четко: «Ответственность при построении совокупного экономического порядка обладает большими функциями, если только этот совокупный порядок конкурентный. В этом случае она должна сделать возможным отбор предприятий и руководящих лиц или облегчить его. Далее, она должна способствовать тому, чтобы капиталом распоряжались со всей осмотрительностью. Инвестиции осуществляются с тем большей тщательностью, чем большая ответственность ложится на того, кто отвечает за эти капиталовложения. Таким образом, ответственность оказывает воздействие, предотвращающее разбазаривание капиталов и побуждающее тщательно зондировать рынки. Кроме того, ответственность важна для конкурентного порядка еще и потому, что она препятствует организационному объединению других предприятий, которое обуславливается, например, стремлением к власти» [1. С. 365-366].

Ссылаясь на своего единомышленника В. Репке, лидер немецкого ордолиберализма фактически *растворяет* социально-экономическое содержание ответственности в социально-правовом аспекте. Но, хотя эти аспекты феномена социальной ответственности тесно взаимосвязаны, отождествлять их нет равным счетом никаких оснований, поскольку помимо правовой регламентации социальной ответственности существуют и формально не предусмотренные законом (неправовые) социальные регуляторы, такие как традиции, обычаи, нормы этики и т.д. Кроме того, обращает на себя внимание настойчивое стремление В. Ойкена доказать тезис о том, что наиболее эффективной социальной ответственностью является только в условиях конкурентного экономического порядка, а сама конкуренция есть *абсолютное* благо не только для экономики, но и для общества в целом.

Здесь следует отметить, что феномен социальной ответственности возник задолго до появления конкурентной рыночной экономики. Сочинения А. Тойнби, Э. Тайлора, К. Леви-Строса, Дж. Фрэзера, Ф. Энгельса и многих других исследователей содержат достаточно примеров такой социальной ответственности (табу, круговая порука, кровная месть, обеты и т.п.). Кроме того, известно, что конкуренция бывает разной. Считать недобросовестную конкуренцию фактором повышения социальной ответственности может лишь наивный человек. Логроллинг, промышленный шпионаж, контрабанда, ценовая дискриминация и многие другие формы проявления такой конкуренции свидетельствуют как раз о снижении социальной ответственности хозяйствующих субъектов.

Вводя понятия *добросовестной* и *недобросовестной* конкуренции в научный словооборот, П.Б. Струве не случайно сформулировал свою концепцию *телеологического государства и личной годности*. Вменяя государству в обязанность поддерживать справедливый, открытый, цивилизованный характер конкуренции, а субъекту хозяйственной деятельности – готовность к осуществлению такой конкуренции через личную ответственность, П.Б. Струве указывал: «Я нарочно не употребляю слова «социализм», хотя идея *безответственного* (выделено нами. – *Авт.*) равенства часто проповедовалась и проповедуется на Западе, и у нас под этой популярной кличкой, в которую каждый вкладывает свой смысл... Экономический прогресс основан на торжестве более производительной хозяйственной системы над менее производительной, а элементом более производительной экономической системы является всегда человеческая личность, отмеченная более высокой степенью годности» [2. С. 77]. В качестве ключевых критериев такой личной годности у П.Б.Струве выступали социальная ответственность, добросовестность, терпимость, а лишь затем – чутье, интуиция, организаторские способности [3. С. 244].

В-третьих, противопоставляя функцию планирования (государство) и частную собственность (бизнес), В. Ойкен полагал, что именно осуществление функции планирования было проявлением социальной и экономической безответственности со стороны государства, тогда как функционирование частной собственности и собственников априори считалось им почему-то ответственным [1. С. 367]. На наш взгляд, напрашивается прямо противоположный вывод: стремление государства хоть как-то упорядочить социальные отношения и создать в стране экономический порядок выглядят куда в большей степени проявлением социальной ответственности, чем деятельность крупных корпораций в современных условиях. Конечно, государство бывает разным, в том числе и коррумпированным. Но источником такого коррумпирования как раз и выступают, по большому счету, крупные корпорации, лоббирующие свои интересы в коридорах власти и занимающиеся элементарным рэкетом. Россиянам хорошо известны попытки некоторых российских олигархов

в 90-е гг. XX в. приватизировать само государство, не говоря уже о приватизации лакомых кусков государственной собственности.

Поэтому, признавая правомерность утверждений о том, что «рост склонности государства к экспериментированию с планированием общеэкономических процессов неизбежно должен сужать свободу действий частного хозяйства» [4. С. 283], следует подчеркнуть, что свобода все-таки есть «осознанная необходимость», а точнее – принятая на себя ответственность при реализации частных интересов заботиться и об общественных интересах.

Классическая идея А.Смита о «невидимой руке божественного Провидения», каковой является свободная рыночная конкуренция, как известно, не действует в условиях монополизации национальной экономики и духовно-нравственной деградации людей. Погоня за максимальной прибылью и утрата многих важных духовно-нравственных норм в мышлении и поведении (в условиях английского пуританства XVIII в. всего этого еще не было, как не было и крупного корпоративного монополизма) ставят задачу государственного планирования в экономике как формы регулирования социальной ответственности субъектов хозяйственной деятельности в ранг объективно необходимой.

И это объясняется отнюдь не «пораженческими представлениями о потенциале прогресса и планирования, заложенного в частном хозяйстве» [4. С. 283], а тем, что до сих пор для каждого предпринимателя, бизнесмена, основная масса которых воспитана и выросла в условиях «первоначального накопления капитала» и под прессингом агрессивного гедонизма и рационализма, «своя рубашка ближе к телу». В связи с чем интересы потребителей, работников, представителей различных контактных аудиторий (церкви, СМИ, общественных, например, экологических, организаций и т.д.) часто просто игнорируются.

Современный редукционизм в трактовке социальной ответственности как раз и стал теоретико-методологической основой для отрицания необходимости государственного регулирования как самой социальной ответственности, так и современной бизнес-практики. Заявляя о том, что «принцип юридически неограниченной ответственности означает необходимость отвечать за долг любого размера имуществом своего предприятия или своим личным имуществом» [5. С. 344], многие современные либералы не замечают того обстоятельства, что имущественная ответственность, в общем и целом сегодня малоэффективна и недостаточно дисциплинирует субъектов хозяйственной деятельности.

Так, наворовав миллионы, жулик с легкостью отделается экономическими санкциями, хотя вред от его воровства, возможно, обошелся обществу крайне дорого: он обернулся голодной смертью сотен и тысяч пенсионеров или утратой страной своей экологической, оборонной или продовольственной безопасности. Неэквивалентность (а точнее было бы сказать, нарушение известного аристотелевского принципа эквивалентного обмена деятельностью и ее результатами) в данном случае лишь провоцирует безответственность, тем более

что неотвратимость наказания часто вообще нарушается (амнистии, сроки давности и т.п.).

Итак, сущность социальной ответственности заключается в обязанностях и необходимости их соблюдения. Принятые на себя сознательно такие обязанности становятся формальным основанием социальной ответственности. Принятые под внешним воздействием такие обязанности также остаются основой для возникновения ответственности, поскольку незнание или несоблюдение законов не освобождает от ответственности. Но это – сфера права, в котором ответственность как раз и увязывается с обязанностями. В сфере права не идет речь о *природе* таких обязанностей, поскольку закон может кому-то не нравиться, но его требования – аксиома для любого юриста. Как гласит гл. 25 ГК РФ, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства (договора) влечет за собой гражданско-правовую ответственность. Выявление умысла к нарушению такой обязанности, противоправного характера нарушения и причинной связи между противоправным поведением субъекта и невыполнением или ненадлежащим выполнением им своих обязанностей – дело правоохранительных и судебных инстанций.

С точки зрения социальной философии возникает вопрос о неформальных основаниях ответственности и ее нарушении (безответственности). Социально-онтологический аспект ответственности заключается в реальной, а не формальной плоскости нашего бытия. Иначе говоря, можно формально соблюдать нормы закона, но при этом быть социально безответственным. Тем более, что наше законодательство содержит разнообразные лазейки для уклонения в исполнении своих обязанностей, а что не запрещено – разрешено. Разнообразные технологии ухода от налогообложения, нецелевое использование бюджетных средств, безнаказанный обман потребителей у всех на слуху. Следуя строго букве закона, многие корпорации ведут себя откровенно безответственно, учитывая несоразмерность штрафных санкций и иных форм формальной ответственности содеянному.

Так избавляет ли общество формальная правовая ответственность? Означает ли идея построения правового государства избавление общества от безответственности его граждан? Думается, что на эти вопросы было бы правильным дать отрицательный ответ, поскольку формальная ответственность и формализация социальных взаимосвязей между субъектами деятельности (в том числе и хозяйственной) вовсе не означают автоматического решения проблемы формирования реальной ответственности в обществе.

В чем же состоит реальная основа социальной ответственности личности? Когда-то А. Смит написал прекрасную книгу «Теория нравственных чувств» (1759 г.), в которой обратил внимание на значение человеколюбия в хозяйственной практике людей. Будучи шотландским философом, он ввел в экономический анализ не только метод диалектики, но и мотив нравственности, духовности. С этого и начинается в Новое время развитие одного из наиболее попу-

лярных направлений социальной философии – философии экономики. Позднее, уже в XIX в. М. Вебер посвятит свой главный труд изучению роли протестантской этики в развитии капитализма. Данное направление социальной философии продолжало развиваться и в более поздние времена. Причиной его популярности в России было огромное влияние смитианства на общественное сознание в нашей стране. Достаточно напомнить, что первые русские экономисты – профессора Московского университета С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков учились в Шотландии у А. Смита. Не чужд был идее великого шотландца и А.С. Пушкин.

Особую популярность философско-экономический подход получает в преформенный период. В частности, в работах русских экономистов С.Н.Булгакова, М.И.Туган-Барановского, И.И.Янжула и многих других видных исследователей второй половины XIX- начала XX веков поднималась проблема социальной ответственности и реальной основы ее развития. Достаточно, думается, сослаться на статью И.И.Янжула «Экономическое значение честности. Забытый фактор производства» (1906 г.), в которой автор прямо утверждает, что нравственная *добросовестность* является важнейшим фактором социально-экономического развития: «И тот народ, который честен, тем самым силен не только нравственно, но и экономически; именно забота об экономической силе нашей родины и заставляет меня в настоящем очерке обратить внимание на этот долго забытый, но, тем не менее, существенный фактор в народном хозяйстве» [6.С.418].

Однако честность как раз и связана с добровольным исполнением принятых на себя личностью обязательств. Собственно, личность и возникает тогда, когда человек самостоятельно и осознанно делает свой выбор в пользу социальной ответственности. Из простой биологической особи, озабоченной собственным пропитанием и существованием, человек, становясь личностью, начинает понимать и воспринимать свою обязанность заботиться не только о самом себе, но и о других людях: сначала такая обязанность принимается им по отношению к детям, родителям и ближайшим родственникам; затем она переносится на других людей, в идеале – на все человечество.

Так рождается человеческий человек. Так появляется гуманное общество, в котором человек человеку не враг, а друг. Переходя ментально от индивидуального бытия к коллективному бытию, человек в той мере становится личностью (высшая ценность гуманного общества), в какой он принимает и соблюдает обязанность (обязательство) учитывать и уважать законные интересы других людей. В общем-то, простая мысль. Проблема, однако, заключается в том, что, оставаясь часто лишь на формальном уровне ответственности, не создавая в собственной душе храм и не любя ближнего своего, такой человек не становится целостной (полноценной, гармоничной) личностью. Иногда, правда, возникают и другие крайности. Например, принимая на себя аскезу,

схиму, становясь религиозным фанатиком, человек может бесконечно полюбить Бога, но не его творение – самого человека.

Любить Бога легче, чем такого же, как и ты, человека: Бог есть совершенство и ему от верующего и любящего его ничего не нужно; это самому человеку, не являющемуся совершенством, как правило, многое нужно от Бога, в том числе и спасение. Да и от других людей ему постоянно что-то требуется: защита, информация, поддержка, общение и т.д. И здесь наличие лишь потребительского подхода и одностороннего характера социальной связи как раз и становится благоприятной почвой для безответственности и асоциального, а часто антисоциального поведения наших сограждан.

Будучи одним из ключевых элементов духовности, честность существует и развивается в органичном единстве с человеколюбием (А. Смит), обязательностью (П. Струве), «духовным деланием» (И. Ильин) и другими составными элементами того ансамбля, который определяет душевное здоровье и социальное благополучие человека. Глубоко символичным представляется то обстоятельство, что французский религиозный философ Пьер Тейяр де Шарден рассматривал феномен человеческой социальности как подъем к коллективной ступени мышления.

Рассуждая о космогенезе, о всеединстве, о конвергентном универсуме, этот философ писал: «Если у человечества есть будущее, то оно может быть представлено лишь в виде какого-то гармонического примерения свободы с планированием и объединением в целостности» [7. С. 290]. Как же далеки суждения французского философа и русских экономистов от немецкого либерализма, абсолютизирующего свободу и сводящего социальную ответственность личности исключительно к размеру кошелька!

Итогом либерализации российской политики, экономики и культуры уже стала колоссальная социальная, экономическая и культурная дифференциация в нашем обществе. Кривая К. Лоренца, иллюстрирующая эту дифференциацию, достигла наиболее крутого за всю российскую историю наклона. Другие современные социально-экономические показатели (кривая Лаффера, коэффициент К. Джини, кривая Филлипса, мультипликатор Дж. Кейнса т.д.) свидетельствуют о том, что никакая формальная реорганизация социальной ответственности, связанная с либерализацией действующего отечественного законодательства, не в состоянии обеспечить социальный мир и социальную стабильность в обществе.

Только возвращение духовности в сферу человеческой деятельности и признание доминирующего значения духовных конструктов в определении характера такой деятельности способно решить данную проблему. Пока мы только говорим о совести, достоинстве человека, интеллекте и нравственности, но не применяем их в своей практике, мы остаемся и будем оставаться демиургами. Кодексы чести, кодексы добросовестной конкуренции, кодексы корпоративной этики, трудовые соглашения с работниками и профсоюзами, система со-

циального страхования и обеспечения, культ старших, культ института семьи, – эти и некоторые другие духовные ориентиры и инструменты до сих пор не в полной мере присутствуют в нашем сознании и нашем поведении.

Необходимо вернуть мотив социальной ответственности, прежде всего, в душу и сознание человека. Тогда он будет имманентен и самой человеческой деятельности. Не важно, идет ли речь о хозяйственной или какой-либо иной форме человеческой деятельности, только ответственное сознание и любящее сердце способны реально обеспечить эффективность социальной ответственности. Такая ответственность для человека в подлинном смысле этого слова есть моральный долг.

Точно так же и любовь к своему ближнему является моральным долгом человека. Поскольку смысл духовной любви как высшего принципа моральности наших действий не может не совмещаться с понятием долга, то социальная ответственность есть не что иное, как предметно-практическое осуществление этого морального долга – долга любить людей – в деятельности каждой отдельно взятой личности. Именно через самоосуществление такого долга-обязанности возникает и развивается социальная ответственность личности, которая, несмотря на конкретные различия между людьми, создает то, что называется всеединством.

Представления же о том, будто бы рыночная организация или частная собственность сами по себе могут создать и укрепить социальную ответственность человека, представляются нам эфемерными. Для иллюстрации этого обратимся к рассуждениям одного из наиболее видных либералов XX в. Людвига фон Мизеса, который писал: «В рыночной экономике индивид свободен в своих действиях в рамках частной собственности и рынка. Его выбор окончательен. Для окружающих его действия являются данностью, которую они должны учитывать в своем собственном поведении. Координация автономных действий всех индивидов достигается в результате работы рынка. Общество не говорит человеку, что делать, а что не делать. Нет необходимости специальными указами и запретами принуждать к общественному сотрудничеству» [8. С. 678].

Данные рассуждения выглядят не только панегириком рыночной экономике, но и содержат важный философский изъян: вместо самого человека и его сознания здесь регламентирующая функция приписывается рынку и частной собственности. Очевидная фетишизация меркантильности и непонимание роли духовно-нравственных аспектов в хозяйственном развитии опирается на идеологию технологического детерминизма и мифологизирование роли конкретных хозяйственных артефактов. И такое встречается не раз и не два: рынок диктует нам..., собственность требует от нас..., конкуренция предписывает нам... и т.д. Это вместо того, чтобы человек сам определял характер рынка, конкуренции, собственности!

А далее следуют прямые обвинения в адрес тех, кто мыслит иначе в том, что они «не способны понять роль в функционировании рыночной экономики тех побудительных причин деятельности, которые они осуждают как порочные» [8. С. 679]. Но если обжорство есть порок, то почему же жажда наживы должна быть добродетелью? Или, может быть, Л. фон Мизес логически опроверг данное заявление Аристотеля, доказав обратное? Нисколько, он лишь называет нарушение ответственности, гармонии интересов, равновесия на рынке беспорядком, но таким беспорядком, который вполне приемлем, допустим, поскольку он «по-разному воздействует на разных индивидов и группы индивидов. Для одних это благо, для других – удар» [8. С. 701]. Видимо, это вообще свойственно либералам – рассуждать о роли волка (рынка) как санитаре леса (экономики). Единственная проблема состоит в том, что не только для зайцев, но и для многих других обитателей леса такая философия покажется дикой, точно так же, как сегодня кажется дикой еще не так давно бытовавшая у нас идеология: лес рубят – щепки летят.

Ложные мифологемы современного либерализма кажутся нам не менее опасными, чем любые радикальные установки. Корень же такой ложности состоит в чисто техногенном и бездуховном отношении либеральных исследователей к гуманитарным проблемам, подобным той, какой является проблема социальной ответственности. Рассуждая об иллюзиях старых либералов [9. С.811-812], австрийский экономист сам впадает в иллюзию, приписывая хозяйственным артефактам способности конструктивного влияния на проблему социальной ответственности.

А теперь вернемся к отношению нашего русского либерала П.Б. Струве к социализму. Удивительно, но он также не понял главного в социализме, а именно того, что социализм вовсе не является более производительной чем капитализм, экономической системой. Эту «великую тайну» раскрыл современник П.Б. Струве и предшественник Л. фон Мизеса австро-американский экономист Й.А. Шумпетер: «Главное – социализм – это новый тип культуры. Поэтому можно быть социалистом, даже сознавая, что социалистическая система, вероятно, будет уступать капитализму в экономической эффективности» [9. С. 553].

А сколько усилий тратили и тратят либеральные ученые на доказательство того, что социализм менее экономически эффективен, чем капитализм! А дело-то оказывается совсем в другом: социализм есть лишь более *ответственное* общество и хозяйство, чем столь изобильный и экономически эффективный капитализм. И вот эта-то ответственность и раздражает либералов, которые придумывают все новые и новые термины для защиты *безответственной* системы хищнического хозяйствования. Но даже называя его сегодня «естественным капитализмом», а уродуемую им природу – «естественным капиталом», наиболее вдумчивые сторонники рыночной экономики все же признаются в том, что для обеспечения благосостояния людей нет надобности в соз-

дании новых теорий, надо лишь покончить с растраниванием ресурсов, а, следовательно, обеспечить *ответственное* к ним отношение [10. С. 423].

Ложные идеалы – основа деструкции общественного и личного сознания, основа социальных отклонений и конфликтов. Поэтому либеральные рассуждения о недопустимости принуждения в экономике, политике или сфере культуры представляются нам хотя и весьма соблазнительными, но оторванными от реальной жизни общества, в котором сегодня наблюдается всплеск цинизма, агрессии и жестокости. И экономика здесь не исключение. Потому что «принуждение – это обоюдоострый инструмент социальной регуляции и нравственного воспитания, пользоваться которым необходимо крайне осторожно» [11. С. 116]. Но пользоваться все-таки необходимо.

Библиографический список

1. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики / В. Ойкен; пер. с нем. – М.: Прогресс; Универс, 1995. – 493с.
2. Струве, П.Б. Интеллигенция и народное хозяйство / П.Б. Струве // Вопросы философии. – 1992. – №12.
3. Стожко, К.П. Экономический гуманизм в России. Очерки истории русской социально-экономической мысли и общественно-политических движений конца XIX – начала XX веков / К.П. Стожко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1995. – 402 с.
4. Вильгеродт, Г. Планирование в рыночном хозяйстве / Г. Вильгеродт ; пер. с нем. // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий либерализм. – М. : Экономика, 2002.
5. Шюллер, А. Предпринимательская ответственность / А. Шюллер ; пер. с нем. // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. – М. : Экономика, 2002.
6. Янжул, И.И. Экономическое значение личности / И.И. Янжул // Избр. тр. – М.: Наука, 2005. – 547 с.
7. Тейяр, де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса / Тейяр де Шарден П.; пер. с франц. – М. : Айрис-Пресс, 2002. – 350 с.
8. Мизес, Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Людвиг фон Мизес ; пер. с нем. – Челябинск : Социум, 2005. – 878 с.
9. Шумпетер, Й.А. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер; пер. с англ. // Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
10. Хокен, П. Естественный капитализм: грядущая промышленная революция / П. Хокен, Э. Ловинс, Х. Ловинс ; пер. с англ. – М.: Наука, 2002. – 459 с.
11. Анисимов, С.Ф. Мораль и поведение / С.Ф. Анисимов. – М.: Мысль, 1979. – 538 с.

T.S. Orlova, V.N. Podshivalov

**PROBLEM OF FORMING SOCIALLY RESPONSIBLE
BUSINESS IN MODERN RUSSIAN ECONOMICS**

In the paper the problem of the phenomenon of the trust as the intricate social relations is considered. The article deals with the problem of social business responsibility in economic and legal aspects and real basis of its development. The importance of social responsibility is considerable from the position of liabilities and necessity of their observance.

***Keywords and phrases:** social responsibility, moral duty, personality, business.*

Статья принята в печать в окончательном варианте 25.08.08 г.